

Е. А. Баратынский, Полное собрание стихотворений, Вступительные статьи Е. В. Невзглядовой и Л. Г. Фризмана, Составление, подготовка текстов и примечания Л. Г. Фризмана, С.-Петербург, «Гуманитарное агентство „Академический проект“», 2000, 528 с. (Новая Библиотека поэта).

The Complete Poetical Works of Evgenij Baratynskij published to celebrate his bicentenary is edited by L. G. Frizman, who was editor of the works of this prominent Russian poet published in 1982. The latter edition has merit, but also has numerous defects, the overwhelming majority of which are not corrected in the jubilee collection. In the new edition lacunae and gross distortions of the text abound. The annotation claims that “the book is furnished with a new commentary, which takes into account recent investigations and studies”. This is an exaggeration, to put it mildly. Apart from one or two exceptions, the amendments introduced into the new edition are derived, firstly, from *The Chronology of the Life and Work of Baratynskij* compiled by A. M. Peskov (1998) and, secondly, from V. M. Sergeev’s notes in *The Complete Poetical Works of Baratynskij* (1989). Moreover, the information found in *The Chronology* is used inconsistently and incompletely, while Sergeev’s explanations are borrowed uncritically. There are two introductory articles: the historical and biographical essay by Frizman suffers from rigid schematism and is permeated with the ideological clichés of Soviet literary scholarship, while the article by E. V. Nevzgliadova, which concentrates “on questions of Baratynskij’s poetics”, will startle the reader with its methodological helplessness and the author’s singular ignorance of the history of Russian literature.

Полное собрание стихотворений Баратынского, приуроченное к его 200-летию, подготовлено к печати Л. Г. Фризмано — редактором издания стихотворных произведений этого автора, вышедших в научной серии «Литературные памятники» (Фризман 1982). После академического двухтомника под редакцией М. Л. Гофмана (Гофман 1914—1915) издание Л. Г. Фризмана было первой попыткой дать полный текст стихотворений и поэм Баратынского, сопроводив его исчерпывающим сводом печатных разночтений и вариантов беловых рукописей¹. В этом отношении издание 1982 г. стало шагом вперед по сравнению с двумя собраниями стихотворений, вышедшими в Большой серии «Библиотеки поэта» (Купреянова, Медведева 1936; Купреянова 1957). Издание «Новой Библиотеки поэта» призвано было стать исправленным и дополненным вариантом однотомника 1982 г. (с. 449—450).

Издания, подготовленные Фризмано, отличает более продуманный, чем у предшественников, подход к отбору текстов. Исследователь, в

частности, выступает против некритического предпочтения, отдаваемого редакциям посмертных изданий 1869 и 1884 гг. перед сборником 1835 г.: «<...> необходимо доказать, что стихотворение подвергалось переработке после 1835 г. <...> либо считать основным текст 1835 г.» (Фризман 1982, 566). К сожалению, избранный принцип Фризмону удалось выдержать не до конца.

Элегия «Уныние» («Рассеивает грусть пиров веселый шум...») печатается по изданию 1884 г. Текст, восходящий к копии Н. Л. Баратынской², был впервые опубликован в 1869 г., а в ранг основного возведен в издании Е. Н. Купреяновой и И. Н. Медведевой (1936, I: 22). В издании 1982 г. стихотворение было напечатано без указания на источник; в новом издании добавлены минимально необходимые ссылки (с. 455), но мотивировка выбора данной редакции в качестве основной по-прежнему отсутствует.

Стихотворение «Мне с упоением заметным...» печатается, как указано в примечаниях, по тексту издания 1884 г., «содержащему, возможно <!>, позднюю авторскую правку» (с. 456). В данном случае Фризман вновь следует за необоснованным решением Купреяновой и Медведевой (1936, I: 114—115). Более того, можно утверждать, что непосредственно к изданию 1884 г. редактор не обращался (об этом говорит, в частности, отсутствие точки в конце 29-го стиха, пропущенной Фризманом вслед за собраниями 1936, 1951 и 1957 гг.)³.

В переводе элегии Мильвуа «Возвращение» («На кровы ближнего селенья...») изменено время глагола в стихе 6: *Лель, улыбнись, когда из ней // Случится девице моей // Унести во взорах пламень томный* (с. 82; ср. Фризман 1982, 66). Во всех прижизненных публикациях 6-й стих читается: *Случилось дѣвицѣ моей* (Баратынский 1822, 444; 1827, 61; 1835а, 96). Вариант *случится*, появившийся в копии Н. Л. Баратынской⁴ и перешедший в издание 1884 г., был безоговорочно принят позднейшими редакторами (Баратынский 1884, 130; Купреянова, Медведева 1936, I: 40; и др.). Е. Н. Купреянова даже назвала чтение прижизненных изданий «грамматической ошибкой» (1957, 342)⁵. Между тем ощущение аграмматизма возникает лишь при неверной интерпретации союза *когда*, употребленного поэтом не во временном, а в условном значении — в соответствии с французским *si* 'если', которое находим в подлиннике Мильвуа.

Послание «Н. И. Гнедичу» Фризман печатает «с учетом собственно-ручных поправок автора на экземпляре <сборника 1835 г. — И. П.>, подаренном В. А. Жуковскому» (с. 465). Впервые эта редакция стихо-

творения увидела свет в издании 1982 г. Однако содержащиеся в ней отступления от текста 1835 г. нимало не напоминают творческую правку. В первые 59 стихов послания внесены почти все разночтения из ранней рукописной редакции; кроме того, вариант ранней редакции восстановлен в заключительной строке: *Свободу дайте мне — найду я счастье сам!* (с. 113). Замена выглядит странно; после того, как Баратынский вернулся из «финляндского изгнания», строка потеряла актуальность, и поэт дважды напечатал ее в ином виде: *Отдайте мнѣ друзей: найду я счастье сам!* (Баратынский 1827, 178; 1835а, 110). Но еще менее оправданными кажутся исправления в стихе 40-м (*Призвалъ я украшать свое уединенье* → <...> *мое уединенье*) и 53-м (*Учусь покорствовать судьбинѣ я своей* → <...> *судьбине я моей*). Надо иметь в виду, что при подготовке сборника 1827 г. Баратынский последовательно заменил возвратными формами притяжательные местоимения 1-го лица, указывающие на отношение к агенту (исключения единичны, обратные случаи отсутствуют)⁶. У редактора должно было возникнуть подозрение, что пометы на экземпляре Жуковского не принадлежат Баратынскому. И действительно, Т. И. Краснобородько установила, что они сделаны рукой М. Л. Гофмана⁷. Таким образом, гибридный текст, опубликованный Фризманом, не имеет никаких прав на существование.

Стихотворение «Я посетил тебя, пленительная сень...» («Запустение») до 1982 г. печаталось в редакции посмертных собраний. Фризман вернулся к тексту 1835 г., но не захотел отказаться от знаменитого стиха <...> *Гдѣ я наслѣдую несрочную весну* (65): «Слово „несрочный“ принадлежит к ряду эпитетов, составляющих характерную примету поэтического языка Баратынского»; вот почему эта редакция «принята в настоящем издании и <...> введена в основной текст» (Фризман 1982, 602—603). Поэтологические соображения Фризмана во многом справедливы (ср. Белый 1910, 595; Иваск 1957, 141; Флейшман 1972, 147), но высказаны *mal à propos*: эти аргументы имели бы силу только в том случае, если бы редакция 1835 г. была дефектной.

С 1914 г. обращенное к С. Д. Пономаревой стихотворение «Аглае» («О своенравная Аглая!..») заменяется первоначальной рукописной редакцией («О своенравная София!..») со ссылкой на «цензурный» характер правки, внесенной автором в дефинитивный текст. Собственно говоря, никаких фактов цензурного вмешательства в историю текста этого произведения до сих пор обнаружено не было (ср. Оксман 1922), и речь должна идти в лучшем случае об автоцензуре. Можно

ли на этом основании отвергать окончательный, апробированный автором вариант — вопрос более чем спорный.

С 1936 г. стихотворение «Д. Давыдову» также печатается по раннему автографу «в виду несомненно цензурного характера последующих изменений» (Куприянова, Медведева 1936, II: 250). К 1982 г. чрезмерная категоричность этого утверждения стала явной, и формулировка была смягчена: «Поскольку текст был, по-видимому, искажен цензурой, стих<отворение> печатается по автографу» (Фризман 1982, 612). В новейшем издании (с. 471) высказано предположение, что цензурой был «снят, по-видимому», только один стих — 18-й: *Клянусь Давыдовъ благородной // Я въ томъ Отчизною свободной <...> (17—18)*⁸. Однако в контексте произведения, посвященного воспоминаниям про «славной годъ войны народной»⁹, определение *свободная* по отношению к России означает «освобожденная от французов» и вряд ли могло вызвать нарекания цензора. Скорее всего, поэт просто избавился от единственной в этом стихотворении тройной рифмы *благородной : свободной : народной*.

Единственным достоверным источником стихотворения «Своенравное прозвание...» является сборник 1835 г. Специально оговорив этот факт (с. 478), Фризман в очередной раз делает неверную конъектуру в 9-й строке: *Вспыхнув полною любовью // И любви посвящено <...>* (с. 158; ср. Фризман 1982, 147). Еще в 1927 г. Г. О. Винокур объяснил, что это, в сущности, бессмысленное чтение представляет собой опечатку издания 1884 г., впоследствии растиражированную (Баратынский 1884, 225; Гофман 1914, I: 137; и др.). В 1835 г. интересующий нас стих напечатан иначе: *Вспыхнувъ полное любовью* (Баратынский 1835а, 225; ср. 1869, 140). Такое чтение восстанавливает «подлинную мысль поэта: „своенравное прозвание“, которое дал поэт своей „милой“, вспыхнуло — полное любовью» (Винокур 1927, 106 примеч. 2)¹⁰.

В рецензируемую книгу механически перенесено множество ошибок и опечаток издания 1982 г. В 48-м стихе «Последнего Поэта» [*Сострадательныхъ небесъ!* (Баратынский 1842, 18)] Фризман в нарушение размера и смысла печатает: *Сострадалныхъ небес!* (с. 251; ср. Фризман 1982, 275). В стихотворении «Когда, дитя и страсти и сомненья...» вопреки грамматике и источникам (Баратынский 1844, 109; Гофман 1914, I: 169) вместо совершенного вида глагола *рѣшилась* дан несовершенный: *решалась* (с. 299; ср. Фризман 1982, 344). В послании «Языкову» («Бывало, свет позабывая...») Фризман печатает *диадему* (с. 87; ср. Фризман 1982, 37) вместо *диадиму* (Баратынский

1835а, 48). Стихотворение «По замечанью моему...» печатается по сборнику 1835 г., но строки 5-я и 6-я в действительности взяты из ранней редакции: *Он так же множеством имен // Самолюбиво испещрен* (с. 105; Фризман 1982, 64). В сборнике 1835 г. иное чтение: *Не также-ль множествомъ именъ // Самолюбиво испещренъ?* (Баратынский 1835а, 92).

Иногда смысл текста кардинально меняет ошибочная пунктуация. Вот три ярких случая.

В издании 1884 г. с неверной пунктуацией напечатана 9-я строка стихотворения «К жестокой»: <...> *Ко мнѣ, примѣрно, нѣжной ставѣ* <...> (Баратынский 1884, 135). Тем самым наречие *примѣрно* 'образцово' превращено во вводное слово 'например'. Ни в одной прижизненной публикации это слово запятыми не выделено (Баратынский 1825б, 190; 1827, 86; 1835а, 61). Пунктуация 1884 г. была использована в ряде изданий советского времени (Муратова, Пигарев 1951, 155; Купреянова 1957, 88; Фризман 1982, 45), а теперь попала и в рецензируемую книгу (с. 92).

Если верить Фризману, стихотворение «Из А. Шенье» начинается: *Под бурею судеб, унылый, часто я, // Скучая тягостной неволей бытия, // Нести ярмо мое, утрачивая силу, // Гляжу с отрадою на близкую могилу* <...> (с. 136; ср. Фризман 1982, 113). Понять в этом что-либо невозможно. Нужно обратиться к сборнику 1835 г., где никакого знака препинания в середине 3-й строки нет: весь стих занят деепричастным оборотом «утрачивая силу нести мое ярмо» (Баратынский 1835а, 172).

Текст стихотворения «Поверь, мой милый друг...» неправильно разбит на предложения: *Как будет сладко, милый мой, // Поверить нежности чувствительной подруги* (с. 140; ср. Фризман 1982, 113). После слова *подруги* вместо запятой Фризман ставит точку, тем самым заставляя поэта верить в нежность своей подруги. Но на самом деле речь о другом: лирический субъект «поверяет» (то есть 'доверительно сообщает') нечто «нежности своей подруги»: <...> *будетъ сладко* <...> *Повѣрить нѣжности чувствительной подруги, // Скажу-ль? всѣ раны, всѣ недуги, // Все разслабленіе души твоей больной* (Баратынский 1835а, 182; ср. в том же стихотворении: <...> *какъ сладко повѣрять // Печаль души своей внимательному другу*).

В издании 2000 г. к старым своим ошибкам и опечаткам Фризман добавил немало новых. В их числе неожиданная апострофа в элегии «Родина»: *Приду с тобой садить коренья и цветы, // О подвиг*

благостный! (с. 71; на месте запятой должна быть точка). В послании «Богдановичу» 20-й стих стал читаться: <...> *И на лице земли всё как-то не до них* (с. 101); должно быть: <...> *не по нихъ* (Баратынский 1835а, 83). В послании «Н. И. Гнедичу» вместо *Средь каменных пустынь* (Фризман 1982, 73) напечатано: *Снедь каменных пустынь* (с. 110). В стихотворении «Взгляни на звезды: много звезд...» в рифме к слову *небес* напечатано *очей* вместо *очес* (с. 137) — и т. д.

Еще большие нарекания, чем основной корпус, вызывает раздел других редакций и вариантов, в котором Фризман обещает привести «все разночтения прижизненных публикаций и беловых автографов» (с. 449). Этот раздел изобилует лакунами и грубейшими искажениями текста.

Например, в элегии «Буря» 4-й стих ни в редакции «Мнемозины», ни в автографе Пушкинского Дома не содержит предлога: <...> *Бьютъ гнѣвно пѣняся прибрежныя скалы*¹¹. Фризман не учитывает чтения «Мнемозины» и ошибочно квалифицирует вариант автографа как описку (с. 349; ср. Фризман 1982, 383). Далее, в изданиях 1982 и 2000 гг. не вошли разночтения строк 26, 27 и 30 по тексту «Мнемозины» (Баратынский 1825в, 215). Не учтен 45-й стих ранней редакции «Сельской Элегии» («Я возвращуся к вам, поля моих отцов...»): <...> *Приду съ тобой садить канусту и цвѣты* (Баратынский 1821б, 275). В «Унынии» не учтена первоначальная редакция 7-го стиха: *Лишь мы не знали сна — и дружескій фіальъ* <...> (Баратынский 1821а, 219).

Среди разночтений стихотворения «Итак, беспечного досуга...» не приведен вариант 11-го стиха по тексту «Новостей Литтературы»: *Люблю я пушекъ громъ протяжной* (Баратынский 1823а, 28). Основной источник текста ранней редакции этого стихотворения — публикация во II номере «Благонамеренного» за 1820 г. (Баратынский 1820в). В «Литературных памятниках» Фризман дал ссылку на 11-й (а не II) номер «Благонамеренного» (Фризман 1982, 587), повторив неточность Гофмана (1914, I: 216) и обнаружив свое незнакомство с первоисточником. В новом издании библиографическая ссылка на «Благонамеренный» снята (с. 458), несмотря на то что в разделе вариантов под сигнатурой *Благ.* напечатан тот же самый текст (с. 359).

В разделе «других редакций» ко 2-й строке «Элизийских полей» (*И каждый час готовлюсь я*) напечатана в качестве варианта та же самая строка — *И каждый час готовлюсь я* (с. 106, 376; ср. Фризман 1982, 67, 410). Объясняется это просто. По оплошности Гофмана в академическом двухтомнике был помещен (со ссылкой на «Стихотворения» 1827 г.) вариант, опубликованный в издании 1869 г.: *И каждый день*

готовлюсь я (Гофман 1914, I: 72; ср. Баратынский 1869, 61). Очевидно, считывая текст 1827 г., Фризман исправил ошибку Гофмана, но забыл снять указание на несуществующий вариант.

Это не единственный случай «псевдовариативности» текста. В 12-й строке стихотворения «О своенравная София!..», публикуемого в основном корпусе по автографу, Фризман печатает ошибочный вариант *свои надежды* (с. 118; ср. Фризман 1982, 85) вместо правильного *мои надежды*¹². Это же чтение (*свои надежды*) приведено в разделе «других редакций» со ссылкой на «Полярную Звезду» (с. 380). Но текст «Полярной Звезды» в этом месте совпадает с автографом (см. Баратынский 1824а, 28). Со ссылкой на издания 1827 и 1835 гг. Фризман печатает тот же стих в третий раз и наконец попадает в точку (с. 380; ср. Фризман 1982, 416).

В «Литературных памятниках» разночтения в послании «Н. И. Гнедичу» (по четырем источникам) занимали с. 412—414. При перенаборе выпали все варианты, помещавшиеся на с. 413, так что общее их количество в новом издании сократилось вдвое, а все оставшиеся разночтения оказались приписанными изданиям 1827 и 1835 г. (с. 377—378). У стихотворения «Чувствительны мне дружеские пени...» вообще пропали все варианты (в 1982 г. они были приведены). В обоих изданиях, вышедших под наблюдением Фризмана, отсутствуют два стиха из ранней редакции послания к Дельвигу («Дай руку мне, товарищ добрый мой...»): <...> *Любовь и лънь и нѣгу и покой, // Развеселясь, въ забвеньи сердца пѣли* (Баратынский 1823б, 375). Первоначальную редакцию элегии «Признание» Фризман, как и два десятилетия назад, печатает без разделения на стихотворные абзацы, с пропуском варианта 6-го стиха (*И милый образъ твой и прежнихъ лѣтъ мечтанье*) и с ошибочным чтением стиха 35: *Печаль безмолвную рассудком усмири* (с. 389; ср. Фризман 1982, 426) — вместо *Печаль безплодную* <...> (Баратынский 1824б, 313).

В разночтениях рукописной и первопечатной редакции стихотворения «Последний Поэт» Фризман сделал более десятка ошибок (1982, 481—482), ни одна из которых в юбилейном издании не исправлена (с. 431—431). В автографе 40-й стих читается: *Отъ пѣнистой пучины водъ морскихъ*¹³; у Фризмана: *От ненастной пучины вод морских*. 49-й стих: *Холодный смѣхъ ему отвѣтомъ... персты* <...>¹⁴; у Фризмана: *Хладный смех* <...> 68-й стих написан в автографе полностью; у Фризмана приведены только первые два слова. В списке вариантов не отмечено, что чтения «Московского Наблюдателя» (Баратын-

ский 1835б) в стихах 5, 6, 14, 23, 31, 32, 40 и 44 совпадают с чтением автографа, в стихах 43 и 78 — с чтением «Сумерек», а в стихе 68-м варианты этих трех источников отличаются лишь пунктуацией.

За протекшие годы не были исправлены грубые ошибки, проникшие в список вариантов первой печатной редакции «Черепя». Стихи 19—20 в «Северных Цветах» звучат так: *Обычай правъ, усопшихъ важный сонъ // Намъ почитать издавна повелѣвшій* (Баратынский 1824г, 282; рифма: *запечатлѣвшій*). Фризман печатает: *Нам, <sic!> почитать издавна повелевшим <sic!>* — и вместо точки в конце стиха ставит запятую. В 24-й строке Баратынский называет Бога *та<и>нственнѣй Создатель* (Баратынский 1824г, 283) — у Фризмана дважды: *таинственнѣй издатель* (с. 393; ср. Фризман 1982, 430).

Справедливости ради следует сказать, что в юбилейном издании появились два новых правильных чтения. Во-первых, это 18-я строка в послании к Крылову — *И Гея, Вакхъ еще съ тобой!* (Баратынский 1820б, 327), в которой Фризман принимает остроумную конъектуру В. Э. Вацура (1994, 220—224): *Игея, Вакхъ еще с тобой!* (с. 283, ср. 494). А во-вторых, это заключительная строка «Леды»: *И вырывается у Леды // И дѣвства крикъ, и неги стонъ* (с. 290). При публикации в «Мнемозине» была допущена ошибка, повторенная затем во всех изданиях: *И дѣтства крикъ и нѣги стонъ* (Баратынский 1825г, 223). Между тем, ошибка была исправлена еще в 1825 г.: в конце IV части «Мнемозины» помещен список опечаток, где дана поправка к с. 223: «[Напечатано:] дѣтства [Читай:] дѣвства» (с. [XIII]). К сожалению, в издании 2000 г. не оговорены основания, позволившие избавиться от застарелой ошибки, и не исключено, что многие примут исправление за очередной рецидив редакторского произвола.

Меньше всего в новом собрании повезло французским прозаическим автопереводам Баратынского, которые до этого издавались всего дважды — в академическом двухтомнике (Гофман 1914, I: 191—199) и в издании под редакцией В. М. Сергеева (1989, 317—325). Для юбилейного собрания автопереводы были отсканированы с издания 1989 г., где они напечатаны со множеством погрешностей (вплоть до пропусков текста длиной в десять слов и более). Поскольку в «Новой Библиотеке поэта» не были исправлены даже механические ошибки, допущенные программой распознавания, обсуждение «текстологии» этого раздела было бы пустой тратой времени.

В аннотации сказано, что «книга снабжена новым комментарием, учитывающим новейшие разыскания и исследования», да и сам Фриз-

ман уверяет, что его примечания «обновлены и исправлены с учетом исследований, осуществленных на протяжении двух истекших десятилетий» (с. 450). Это, мягко выражаясь, преувеличение. За единичными исключениями дополнения почерпнуты, во-первых, из «Летописи жизни и творчества Баратынского», составленной А. М. Песковым (1998), а во-вторых, из примечаний В. М. Сергеева к изданию 1989 г.

Нужно заметить, что данные «Летописи» использованы в новом издании непоследовательно и частично. Так, в 1982 г. Фризман писал о семейном альбоме Баратынских «Tendresse» («Нежность»), в котором находится несколько автографов поэта: «Наши попытки установить местонахождение альбома <...> оказались безуспешны» (Фризман 1982, 581). В 1998 г. вышла «Летопись», в которой этот альбом упомянут четырежды (Песков 1998, 65, 79, 103, 471), и всякий раз с указанием точного архивного адреса (РГАЛИ, ф. 51, оп. 2, ед. хр. 5). Тем не менее в 2000 г. Фризман повторяет ложные сведения об утрате альбома, название которого он почему-то переводит словом «Грусть» (с. 455). Кстати сказать, в число утраченных попало еще несколько автографов, находящихся в тетради Н. Л. Баратынской (с. 472, 475 и др.; ср. ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 39).

В основу комментария В. М. Сергеева (1989) были положены примечания Фризмана к изданию 1982 г., которые Сергееву в ряде мест удалось дополнить. В свою очередь, Фризман перенес в юбилейное собрание большую часть дополнений Сергеева, к которым отнесся недостаточно критически. Так, в пояснениях к «Отрывкам из Поэмы: Воспоминание» говорится: «*Цевница — свирель*» (с. 494; ср. Сергеев 1989, 392). Вчитаемся, однако, в текст Баратынского: <...> *дай жизнь моимъ струнамъ, // Цѣвницѣ вторь моей; Пастухъ беретъ свирѣль* <...> *поэтъ свою цѣвницу* (Баратынский 1820а, 85, 88). Ясно, что под *цѣвницей* имеется в виду не духовой, а струнный инструмент: наряду со значением 'свирель'¹⁵ это слово имело в то время и другое, церковнославянское значение 'лира; арфа' (ср. Дьяченко 1900, 805; Цейтлин и др. 1994, 772). Ср. в VII элегии Д. Давыдова (1817): *Нет! полно пробегать с улыбкою любви // Перстами легкими цевницу золотую*. Даже у Пушкина, который в большинстве случаев употребляет слово *цевница* в значении 'свирель', есть контекст, где речь может идти только о лире: *И Феб цевницею златою // Почтил любимца своего* («Тень Фон-Визина», 1815).

Несмотря на дополнения, новый комментарий нельзя считать удовлетворительным. Чего стоит хотя бы пояснение к выражению *бесчарная*

Цирцея: «*Цирцея* (Кирка) — волшебница, изображенная в „Одиссее“, обращавшая влюбленных <!> в нее мужчин в свиней <!>» (с. 456; Фризман 1982, 582). Не прокомментированы многочисленные библейские цитаты, например, в первоначальной редакции «Оправдания»: <...> *Взывалъ къ тебѣ, вzywалъ отъ глубины // Души моея, исполненной страданья* (Баратынский 1824в, 263) — «Йзъ глѣбини въззвахъ къ тебѣ, гдѣи» (Пс 129, 1).

Историко-литературные проблемы в примечаниях Фризмана практически не затрагиваются. В стихотворении «Я безрассуден — и не диво!..» исследователь не поясняет даже пародийный парафраз Гётевой песни Миньоны («Kennst du das Land, wo die Zitronen blühn...») с ее знаменитым рефреном *Dahin! Dahin...: Пойду я странникомъ тогда // На край земли, туда, туда, // Гдѣ вѣчный холодъ обитаетъ <...>* (1835а, 158—159). В комментарий не включены сведения, уже ставшие достоянием науки и, следовательно, не требовавшие самостоятельных разысканий. В «Финляндии» не отмечены цитаты из элегии Батюшкова «На развалинах замка в Швеции» и из его прозаического «Отрывка из писем Русского Офицера о Финляндии» (см. Хетсо 1973, 346—347). В «Элизийских полях» не отмечены цитаты из элегии Парни «Le Revenant» (см. Вацуро, Мильчина 1989, 612; Пильщиков 1994, 86—87). Для «Воспоминаний» не указан их второй французский источник — поэма Ж. Делиля «Сады» (см. Пильщиков 1995). Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Ниже всякой критики сопроводительные статьи, плохо состыкованные друг с другом: они тащат за собой книгу, как старый конь и трепетная лань. Историко-биографическая статья Фризмана страдает схематизмом и наполнена идеологическими штампами советского литературоведения: «отвечать требованиям декабристской эстетики» (с. 12), «передовая дворянская интеллигенция» и «ее представители» (с. 17), «особенности идейной борьбы между либеральным и революционно-демократическим лагерем» (с. 29) и т. д. Статью несколько разнообразят курьезные опечатки. Так, на с. 9 друг Баратынского Н. М. Коншин трижды назван Кошкиным, а на с. 13—14 А. С. Пушкин и его младший брат слиты в одно лицо.

Скуку от чтения Фризмана развеет статья Е. В. Невзглядовой, сосредоточенная, как сказано в аннотации, «на вопросах поэтики Баратынского». Этот опус производит сильное впечатление своей методологической беспомощностью и редкостным невежеством автора в истории русской литературы.

Невзглядова начинает со смелого сопоставления: строчку *Собрание пламенных замет* из поэмы Баратынского «Пир» (1820) она возводит к посвящению Плетневу, которое Пушкин предположил IV и V главам «Онегина» (1827): *Прими собрание пестрых глав <...> И сердца горестных замет*. Автор статьи не знает, что еще в 1957 г. это сопоставление сделал В. Набоков, который полагал, что «в пушкинском посвящении Плетневу <...> слышны отзывы <...> из „Пиров“ Баратынского» (Набоков-Сирин 1957, 38). Исследовательница приходит к противоположному выводу: «<...> „собрание пламенных замет“ Баратынского отсылает к „собранию пестрых глав“ и „сердца горестных замет“ Пушкина» (с. 43—44). Точно так же Невзглядова путается во внутренней хронологии творчества Баратынского. На с. 46 она называет стихи 1820—1821 гг.: «Разуверение», «Оправдание», «Уныние», «Финляндию» — «стихотворениями зрелого периода», а на следующей странице те же произведения переименовывает в «раннюю лирику».

Помимо новой хронологии, Невзглядова открывает новые горизонты в интертекстуальной поэтике. У Баратынского сказано: *глядит, как утро встанет* («На что вы, дни?..»). А у Блока: *Солнце не встанет* («Голос из хора»). Несомненно, заключает исследовательница, когда Блок сочинял «Голос из хора», он «подсознательно имел в виду <?> строки Баратынского» (с. 54). Далее Невзглядова выясняет генезис стихотворения «Осень». Оно заканчивается словами: <...> *жатвы нет*. А у Батюшкова в стихотворении «Пленный» встречаются словосочетания *свободы нет* и *жатвы орошай*. Значит, строка Баратынского представляет собой «контаминацию строк из „Пленного“» (с. 57). Но не только содержание «Осени» — форма этого стихотворения тоже восходит к «Пленному». В самом деле, у Баратынского 5-стопный ямб чередуется с 4-стопным, а у Батюшкова — 4-стопный с 3-стопным. У Баратынского строфа начинается с мужской клаузулы, а у Батюшкова с женской. У Баратынского в строфе десять строк, а у Батюшкова — восемь. Всё сходится: «внешний вид строфы» «Пленного» «напоминает строфу „Осени“» (с. 56).

Перечислением недостатков нового издания можно заполнить целый том. Но и без того ясно: подарок к юбилею не получился.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Черновые автографы и копии в издании 1982 г. учтены выборочно.

² См.: ИРЛИ, ф. 33 (Архив Баратынских), оп. 1, ед. хр. 42, л. 6 об.

- ³ Ср.: <...> *Япетов сын, гласит преданье, // Одушевил свое созданье, // И назвал его Зевес // Неумолимый, Прометей // К скалам Кавказа приковал <...>* (с. 84; ср. Купреянова, Медведева 1936, I: 114; Муратова, Пигарев 1951, 134; Купреянова 1957, 105; Фризман 1982, 32). Епѣmbement (*Зевес // Неумолимый*) отсутствует как в издании 1884 г., так и в прижизненных изданиях (см. Баратынский 1827, 170; 1835а, 41; 1884, 81).
- ⁴ См.: ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 42, л. 5 об.
- ⁵ В отличие от своих предшественников, Л. Г. Фризман никак не оговаривает изменение, внесенное им в текст (с. 464; ср. Фризман 1982, 598).
- ⁶ Ср.: «Истина», стих 7; «Родина», стих 22; «Буря», стих 32; «К ...ну» («По-ра покинуть, милый друг...»), стих 32; «Аглае», стих 11; и др.
- ⁷ Пользуюсь случаем поблагодарить за это сообщение А. М. Пескова.
- ⁸ РГБ, ф. 479 (Архив и коллекция Давыдовых), к. 1, ед. хр. 1, л. 1.
- ⁹ Там же, л. 1.
- ¹⁰ Кстати, никто из комментаторов, кроме М. Л. Гофмана, не поясняет, что *свое-нравное прозвание* «переводится на языкъ прозы словомъ „Попинька“»: в своих письмах поэт «всегда называетъ Н. Л. Баратынскую <...> именемъ „Попиньки“» (Гофман 1914, I: 288; ср. Гаспаров 2000, 26).
- ¹¹ ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, ед. хр. 38, л. 3; Баратынский 1825в, 214. В окончательной редакции: *Бьютъ, гнѣвно пѣняся, въ прибрежныя скалы* (Баратынский 1827, 26).
- ¹² Ср.: ИРЛИ, № 9668 (Альбом С. Д. Пономаревой), л. 16; Гофман 1914, I: 54. Ошибка восходит к собранию 1936 г. (Купреянова, Медведева 1936, I: 98; ср. Муратова, Пигарев 1951, 118; Купреянова 1957, 99).
- ¹³ РГАЛИ, ф. 394 (Н. В. Путята), оп. 1, ед. хр. 170, л. 52 об.
- ¹⁴ Там же, л. 53.
- ¹⁵ Ср. у Баратынского в «Сельской Элегии»: *свирѣль и струны* (то есть струны лиры); *межь лирой и цѣвницей* (Баратынский 1821б, 275—276).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Баратынский, Е.: 1820а, 'Отрывки из Поэмы: Воспоминания', *Невский Зритель*, ч. I, Генварь, 85—94.
- Баратынский, [Е.]: 1820б, 'К—ву', *Труды Высочайше утвержденного Вольного Общества Любителей Российской словесности*, ч. IX, № III, 327—328 (= Соревнователь просвещения и благотворения).
- Баратынский, Е.: 1820в, 'Б—му (при отъезде его в армию)', *Благонамеренный*, № II, 117—118. Подпись: *Баратынской*.
- Баратынский, Е.: 1821а, 'Уныние', *Сын Отечества*, ч. LXVII, № 3, 128—129.
- Баратынский, [Е.]: 1821б, 'Сельская Элегия', *Сын Отечества*, ч. LXVII, № 6, 274—276.
- Баратынский, Е.: 1822, 'Возвращение', *Благонамеренный*, ч. XVII, № XI, 444. Подпись: *Б.*

- Баратынский, [Е.]: 1823а, 'К Б. *', *Новости Литтературы*, кн. III, № II, 28—29.
- Баратынский, [Е.]: 1823б, 'К Дельвигу', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1823-й год*, С.-Петербург, 374—376.
- Баратынский, [Е.]: 1824а, 'Аглае', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1824-й год*, С.-Петербург, 27—28.
- Баратынский, Е.: 1824б, 'Признание', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1824-й год*, С.-Петербург, 312—313. Подпись: *Баратынской*.
- Баратынский, Е.: [1824]в, 'Оправдание', *Северные Цветы на 1825 год*, С.-Петербург, 282—283. Подпись: *Е. Б—йй*.
- Баратынский, Е.: [1824]г, 'Череп', *Северные Цветы на 1825 год*, С.-Петербург, 282—283. Подпись: *Е. Б.*
- Баратынский, Е.: 1825а, 'Елисейские поля', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1825-й год*, С.-Петербург, 103—105. Подпись: *Б.*
- Баратынский, Е.: 1825б, 'К жестокой', *Полярная звезда: Карманная книжка на 1825-й год*, С.-Петербург, 190—191. Подпись: *Б.*
- Баратынский, Е.: 1825в, 'Буря', *Мнемозина*, Москва, 1825, ч. IV, 214—215. Подпись: ****.
- Баратынский, Е.: 1825г, 'Леда', *Мнемозина*, Москва, 1825, ч. IV, 221—223. Подпись: ****.
- Баратынский, Е.: 1827, *Стихотворения*, Москва.
- Баратынский, Е.: 1835а, *Стихотворения*, Москва, ч. I.
- Баратынский, Е.: 1835б, 'Последний поэт', *Московский наблюдатель*, ч. I, кн. I, 30—32.
- Баратынский, Е.: 1844, 'Когда дитя', *Современник*, т. XXXVI, № 10, 109. Подпись: ***.
- Баратынский, Е. А.: 1869, *Сочинения*, [Издание подготовил Л. Баратынский], Москва.
- Баратынский, Е. А.: 1884, *Сочинения*, Издание 4-е, [Издание подготовил Н. Баратынский], Казань.
- Бельй, А.: 1910, *Символизм: Книга статей*, Москва.
- Боратынский, Е.: 1842, *Сумерки*, Москва.
- Вацууро, В. Э.: 1994, *Записки комментатора*, С.-Петербург.
- Вацууро, В. Э., В. А. Мильчина: 1989, 'Комментарий', *Французская элегия XVIII—XIX веков в переводах поэтов пушкинской поры*, Москва, 606—676.
- Винокур, Г.: 1927, *Критика поэтического текста*, Москва.
- Гаспаров, М. Л.: 2000, *Записи и выписки*, Москва.
- Гофман, М. Л.: 1914—1915, Е. А. Баратынский, *Полное собрание сочинений*, Под редакцией и с примечаниями М. Л. Гофмана, С.-Петербург, 1914, т. I; 1915, т. II (= Академическая Библиотека Русских Писателей; Вып. 10—11).
- Дьяченко, Г.: 1900, *Полный церковно-славянский словарь (со внесением в него важнейших древне-русских слов и выражений)*, Москва.
- Иваск, Ю.: 1957, 'Баратынский', *Новый журнал*, кн. L, 135—156.

- ИРЛИ — Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Рукописный отдел (С.-Петербург).
- Купреянова, Е., И. Медведева: 1936, Баратынский, *Полное собрание стихотворений*, Вступительная статья Д. Мирского, Редакция, комментарии и биографические статьи Е. Купреяновой и И. Медведевой, [Ленинград], т. I—II.
- Купреянова, Е. Н.: 1957, Е. А. Баратынский, *Полное собрание стихотворений*, Вступительная статья, подготовка текста и примечания Е. Н. Купреяновой, Ленинград.
- Набоков-Сирин, В.: 1957, 'Заметки переводчика', *Опыты*, [кн.] VIII, 36—49.
- Оксман, Ю.: [1922], '«Стихотворения Евгения Баратынского» в цензуре: Выписка из журнала заседаний СПб. Цензурного Комитета 14 марта 1833 г.', *Литературный Музей: (Цензурные Материалы I^{го} отделения IV секции Государственного Архивного Фонда)*, Петербург, [т.] I, 13—17, 336—340.
- Песков, А. М.: 1998, *Летопись жизни и творчества Е. А. Баратынского*, Составитель А. М. Песков, Москва.
- Муратова, О., К. Пигарев: 1951, Е. А. Баратынский, *Стихотворения; Поэмы; Проза; Письма*, Вступительная статья К. Пигарева; Подготовка текста и примечания О. Муратовой и К. Пигарева, Москва.
- Пильщиков, И.: 1994, 'О «французской шалости» Баратынского', *Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. Новая серия*, Тарту, вып. I, 85—111.
- Пильщиков, И. А.: 1995, '«Les Jardins» Делиля в переводе Воейкова и «Воспоминания» Баратынского', *Лотмановский сборник*, Москва, [вып.] 1, 365—374.
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).
- РГБ — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (Москва).
- Сергеев, В. М.: 1989, Е. А. Баратынский, *Полное собрание стихотворений*, Вступительная статья И. М. Тойбина, Составление, подготовка текстов и примечания В. М. Сергеева.
- Флейшман, Л., 'Об одном приеме Баратынского', *Quinquagenario: Сборник статей молодых филологов к 50-летию проф. Ю. М. Лотмана*, Тарту 1972, 147—153.
- Фризман, Л. Г.: 1982, Е. А. Баратынский, *Стихотворения; Поэмы*, Издание подготовил Л. Г. Фризман, Москва.
- Хетсо, Г.: 1973, *Евгений Баратынский: жизнь и творчество*, Oslo — Bergen — Tromsø.
- Цейтлин, Р. М., и др.: 1994, *Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков)*, Под редакцией Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой, Москва.

И. А. Пильщиков